

были и раньше, по заглушались постоянно ложнымъ воспитаніемъ и дальнѣйшо затѣмъ свѣтскою жизнью въ извѣстномъ кругѣ общества. Въ Левинѣ олицетворенъ въ глубоко-правдивой формѣ задушевный *этический* типъ самого автора. Онъ такъ же поздно воспроизведенъ въ художественной формѣ, какъ поздно въ самомъ авторѣ совершился переворотъ, приведшій его *къ самому себѣ*: Левинъ, въ этомъ смыслѣ, есть ничто иное, какъ олицетворенное *запоздалое возвращеніе къ самому себѣ* самого гр. Толстого. Чтобы быть правдиво изображенныемъ, *Левинъ* долженъ бытъ уже «пережиться» авторомъ, ибо если это—его исповѣдь, то не могъ же онъ исповѣдываться прежде, чѣмъ успѣлъ *покаяться*, не могъ онъ воплотить въ художественной формѣ эту исповѣдь свою прежде, чѣмъ почувствовалъ въ страстной формѣ желаніе того же самого перерожденія, которое выражено въ Левинѣ. Въ Левинѣ, наконецъ, гр. Толстой *пришелъ въ себя...* Левинъ—типъ столь же прогрессивный, какъ прогрессивна воплощаемая имъ реакція, въ смыслѣ воздействиія забытыхъ, но истинныхъ этическихъ началь.

Въ Левинѣ развита столь необходимая въ нашъ вѣкъ внутренняя центростремительная сила самосознанія, сила противоположная центробѣжной силѣ инстинкта; въ ней—начало индивидуального прогресса по собственному свободному почину личности.

Прогрессъ этотъ есть *нравственный* прогрессъ личности,—самое существенное и наиболѣе недостающее звѣнио нашей цивилизациіи, *пропущенное* ею сторона духовнаго человѣка. Такой именно процессъ ближе, понятнѣе и всего доступнѣе патурамъ *Левинскаго* склада, и вотъ почему гр. Толстой-Левинъ отрицая однѹю рукою *« всякий* прогрессъ, какъ общий законъ человѣчества», другою рукою приближаетъ къ себѣ, признаетъ и щѣнить самъ же этотъ про-